

Шлангенбадские беседы

16-я встреча

Кризис:

Глобальные изменения и двухсторонние последствия

Шлангенбад, 25-27 апреля 2013 года

Организаторы

Филиал Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации, Москва
Гессенский фонд исследований проблем мира и конфликтов, Франкфурт-на-Майне

в сотрудничестве с

Институтом мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО)
и Фондом им. Конрада Аденауэра в Российской Федерации, Москва

Протокол

Ксения Груша

Вера Рогова

В центре внимания 16-х Шлангенбадских бесед оказались перемены в двухсторонних отношениях между Россией и Германией, отмечаемые в последнее время. Как подчеркнул во вступительном слове **Ханс-Йоахим Шпангер**, спады и подъемы во взаимоотношениях между Россией и США являются постоянной темой Шлангенбадских бесед. Каждый новый президентский срок – в том числе второе президентство Обамы – сопровождается очередным похолоданием в российско-американских отношениях и заставляет многочисленных комментаторов вновь и вновь вспоминать о временах "холодной войны". Российско-германские же отношения по окончании конфронтации между Востоком и Западом напротив развивались без конфликтов и характеризовались удивительной стабильностью. **Райнхард Крумм** считает, что это выражается прежде всего в тесном экономическом сотрудничестве, а также в широком и глубоком научном взаимодействии между двумя странами. Кроме того, Германия, по его мнению, всегда была не конкурентом, а стратегическим партнером России в ключевых областях экономики и безопасности. Но в последнее время эти прежде столь стабильные отношения напоминают скорее взаимоотношения между Россией и США или Россией и Польшей. По мнению **Шпангера**, это ухудшение, очевидно, связано с критикой, которая звучит в Германии по отношению к тенденциям, которые наблюдаются во внутривнутриполитическом развитии России. **Крумм** также считает, что включение вопросов прав человека и демократии в повестку сотрудничества, ранее основывавшегося исключительно на интересах, привело к новым тенденциям в развитии двухсторонних отношениях, для которых ныне характерны недовольство внутривнутриполитическими событиями в России с немецкой стороны и недоверие к Западу и Европе – с российской стороны. Поэтому важным моментом, вызвавшим жаркие дебаты, стал вопрос о том, как будут в перспективе складываться российско-германские отношения. Особое место в дискуссии занял затронутый в самом начале **Александром Дынкиным** вопрос о том, в какой мере экономическое взаимодействие способно улучшить двухсторонние политические отношения.

Секция 1

Изменения посредством торговли?

Противоречия немецкой политики в отношении России

Учитывая тот факт, что политические отношения между Германией и Россией сильно отстают от экономических, в ходе дискуссии в рамках первой секции подробно обсуждался вопрос о том, как направить развитие российско-германских отношений в позитивное русло. Оживленное обсуждение этой темы показало, насколько сильно различается восприятие российско-германских отношений в обеих странах. Участники с обеих сторон подчеркивали необходимость долгосрочного

укрепления российско-германских отношений, но мнения о путях достижения этой цели были совершенно разными.

В своем вводном докладе **Франц Тённес** осветил тесные экономические связи между Россией и Германией. Российско-германская внешнеторговая палата ожидает, рассказал он, что количество крупных проектов и инвестиций – например, в автомобильной отрасли и в сфере транспортной инфраструктуры – будет и дальше расти. Кроме того, обе страны тесно связаны друг с другом в сфере торговли углеводородными энергоносителями: 39 процентов необходимой нефти Германия импортирует из России. Однако политические отношения между двумя странами сильно отстают от высокого уровня экономического сотрудничества. Негативное влияние на экономические связи с Россией оказал, правда, также "кризис евро". В то время как экономика стран БРИК по-прежнему быстро растет, Евросоюз вследствие кризиса евро вступил в полосу рецессии. Пересмотр фискальной политики заставляет страны евро-зоны вводить меры экономии; безработица растет, инвестиции в образование и науку сокращаются. По мнению **Тённеса**, Германия и ЕС переживают кризис и реструктуризацию: даже в Германии, являющейся главной экономической силой ЕС, экономика не растет, а сокращается. Кризис продемонстрировал "незавершенность" Европы, он требует от ЕС большей социальной направленности, считает он.

Экономические проблемы России состоят в том, что, несмотря на большой потенциал экономики, доходы государства складываются почти исключительно за счет экспорта нефти и газа. Россия не может развиваться как индустриальная нация, поскольку она слишком сильно ориентирована на экспорт сырьевых ресурсов. По мнению **Тённеса**, недостаточная диверсификация экономики и сокращение темпов роста непосредственно наносят ущерб населению, особенно в условиях, когда российское правительство наращивает военные расходы, одновременно вводя меры экономии в социальном секторе.

Многие участники также высказали мнение о том, что российской экономике необходимы модернизация и реструктуризация. Так, **Алексей Кузнецов** подчеркнул, что рост российской экономики не сопровождается структурной перестройкой. **Петер В. Шульце** высказался за "реиндустриализацию" России, а также за модернизацию и более интенсивное использование ее человеческого капитала. Имеющиеся финансовые ресурсы необходимо, по его мнению, направлять прежде всего на модернизацию инфраструктуры: пример Азии показывает, что оптимизация инфраструктур подстегивает развитие торговли. Россия должна ответить на этот вызов и найти для себя новую нишу на мировом рынке. Ключ к демократическому и "глобалистскому" развитию России, считает **Шульце**, лежит в реиндустриализации страны и формировании стабильного "среднего класса".

По мнению **Тённеса**, Германии в будущем также придется проводить глубокую структурную перестройку; в настоящее время на нее приходится 5 процентов мирового ВВП, но всего через несколько лет ее доля сократится наполовину. Поэтому Германия не может в перспективе рассчитывать только на свою экономическую мощь – нынешние торгово-экономические отношения с Россией она должна будет дополнить диалогом по вопросам развития правового государства, социальным партнерством, а также триалогом бизнеса, общества и государства. **Ирина Кобринская**, однако, указала на то, что Германия не должна использовать свою экономическую мощь для политического давления на Россию.

Эвальд Бёльке, представляя в своем вступительном выступлении концепцию "сетевой экономики", говорил о необходимости перестройки российско-германских экономических отношений. Он считает, что хотя связи в энергетическом секторе по-прежнему важны для России и Германии, все большую роль приобретают отношения в сфере высоких технологий. Поэтому чрезвычайно важен интенсивный обмен идеями между российскими и немецкими инженерами. Поскольку политические круги Германии не понимают, что российские идеи востребованы и в Германии, они не предлагают стимулов для активизации обменов в инженерной сфере. Эту ситуацию необходимо исправить. Политики также не уделяют внимания тому, что российский бизнес широко представлен в немецкой промышленности, в сфере информационных технологий, в немецком автопроме. В Германии работает много российских инженеров, учатся тысячи российских студентов, масса специалистов проходят практику и обучение. Социально-культурный опыт этих молодых людей идет на пользу российскому обществу. **Бёльке** утверждает, что практическая реализация различных проектов и построение "сетевой экономики" в сфере информационных технологий могут стимулировать перестройку российского общества. По мнению **Бёльке**, экономическое взаимодействие имеет хорошие перспективы, но в то же время он выразил обеспокоенность в связи с приватизацией сферы здравоохранения и другими социальными проблемами в России, которые надо решать сообща. Ведь благоприятные социально-экономические условия – это необходимая предпосылка для расширения индивидуальной свободы.

Юрген Мёперт также считает, что добычи нефти и газа недостаточно для модернизации страны. Поэтому "Винтерсхалл АГ" вместе с Российско-германской внешнеторговой палатой выступает за поддержку российского "среднего класса", который еще только складывается. Цель состоит не в том, подчеркнул **Мёперт**, чтобы навязать России свою собственную общественную модель. **Мёперт** согласился с оценкой **Владимира Назарова**, который утверждал, что в России существует воля к модернизации, и что она уже идет, хотя идет тяжело и непросто, требуя большого терпения и настойчивости – в том числе со стороны Германии.

Алексей Кузнецов, правда, указал на то, что германская и европейская политика в отношении России затрудняет дальнейшее позитивное развитие экономических отношений. Так, Россия не включена во многие проекты ЕС и находится в менее выгодном положении, нежели многие другие страны, не входящие в ЕС. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что в российской торговле с Европой по-прежнему доминируют нефть и газ. Хотя Европейский Союз и осуществляет совместные с Россией проекты в области современных технологий и автопрома, они не удовлетворяют тот огромный спрос, который имеется с российской стороны. Кроме того, российско-германскому обмену и расширению сотрудничества мешают различные барьеры – как, например, визовый режим с ЕС, который ничего не делает для его облегчения. Европейские компании пока недостаточно последовательны в борьбе с коррупцией в России. Они должны более четко и однозначно дистанцироваться от подобных преступных проявлений, считает **Кузнецов**.

В то время как **Эвальд Бёльке** и **Юрген Мёперт** говорили о реальных возможностях достижения перемен посредством экономического сотрудничества, **Владимир**

Р. Крумм, Ф. Тённес, М. Заппер

Рыжков указал на то, что торговля может также укрепить авторитарную систему. Уход от политических проблем и молчаливая поддержка авторитарного режима, по его мнению, наносят ущерб экономике, ведь она не может развиваться независимо от политики. О том, что подход "изменения посредством торговли" иллюзорен, если не затрагивает гражданское общество, говорил в своем вступительном докладе **Манфред Заппер** – он назвал такой подход "кастрированной модернизацией". Его критика вызвала оживленные дебаты о тенденциях во внутриполитическом развитии России и о том, как на это следует реагировать Германии.

Как вначале констатировал **Франц Тённес**, серьезная критика ситуации с правами человека в России, звучащая со стороны Германии, омрачает политические отношения между двумя странами. Надежды немецкой стороны на позитивное развитие гражданского общества, на расширение пространства для деятельности НКО, рост числа партий и развитие демократии в период третьего президентства Путина не сбылись, что привело – несмотря на хорошее экономическое сотрудничество – к явному охлаждению политического климата между Россией и Германией, считает **Тённес**. С другой стороны, констатировал **Гюнтер Йотце**, политика защиты прав человека оказалась дискредитированной в глазах многих россиян. Обусловлено это

Как вначале констатировал **Франц Тённес**, серьезная критика ситуации с правами человека в России, звучащая со стороны Германии, омрачает политические отношения между двумя странами. Надежды немецкой стороны на позитивное развитие гражданского общества, на расширение пространства для деятельности НКО, рост числа партий и развитие демократии в период третьего президентства Путина не сбылись, что привело – несмотря на хорошее экономическое сотрудничество – к явному охлаждению политического климата между Россией и Германией, считает **Тённес**. С другой стороны, констатировал **Гюнтер Йотце**, политика защиты прав человека оказалась дискредитированной в глазах многих россиян. Обусловлено это

не в последнюю очередь двойными стандартами и односторонним подходом к этой теме со стороны западных государств. Двойные стандарты, правда, являются неотъемлемым элементом международных отношений. Но их приемлемость имеет пределы – если, например, Россия постоянно подвергается критике, а на критику в адрес другой страны, а именно США, наложено табу. Европа практикует двойные стандарты в таких масштабах, что трудно избежать их негативного воздействия на российское восприятие западной политики в сфере прав человека, подчеркнул **Гюнтер Йотце**.

Манфред Заппер изложил в своем вступительном выступлении внутригерманские споры о "правильной" политике в отношении России. Он считает, что Бундестаг в этом плане расколот на три лагеря. Одни считают прежнюю политику на российском направлении провальной и требуют пересмотра ее принципов. Сторонники этой позиции придерживаются того мнения, что все проекты сближения ничего не дали. На отношениях с Россией, по их мнению, лежит печать имитации: мнимые выборы или мнимые партии характерны также для путинской России. Другие требуют углубления сотрудничества с Россией, Украиной и другими постсоветскими государствами. Только так, по их мнению, можно добиться позитивных изменений в этих странах. Третья группа политиков в целом довольна нынешними торговыми отношениями с Россией и требует сохранения этой стратегии. Эти три позиции, считает **Заппер**, обусловлены разными представлениями политиков о мире и стабильности и проходят через все политические партии. В своем выступлении **Заппер** не поддержал ни одну из трех позиций, высказавшись за пересмотр немецкого восприятия российской проблематики. Он подверг критике поддерживаемый многими социал-демократами тезис о том, что "менторский тон" немецких политиков вредит отношениям с Россией, и выдвинул идею о "новой этике ответственности" по отношению к России. Немецкие критики должны, считает он, поддерживать те силы в России, которые требуют прекращения репрессий и реализации норм российской Конституции. Историческая вина Германии за преступления против восточнославянских народов, которую часто приводят в качестве аргумента, когда речь заходит о молчаливом согласии с внутривнутриполитической ситуацией в России, обязывает Германию к действию. Вместо того, чтобы поддерживать авторитарный режим и отрицать его авторитарный характер, считает **Заппер**, нужно бороться с репрессиями против гражданского общества, НКО и оппозиционных партий.

Подхватив тезис о том, что Россия нуждается в модернизации, **Заппер** сформулировал еще одну дилемму. Путин объявляет преступными именно те силы, которые необходимы для модернизации России: оппозицию, НКО и демократические партии.

Александр Дынкин не согласился с тезисом **Заппера** о "кастрированной модернизации", подчеркнув, что модернизация возможна и без вмешательства западных игроков во внутренние дела России. Они считают, что поддержка извне оппозиции и

НКО может способствовать позитивному развитию России, но они ошибаются. "Революционный пафос", звучащий из уст **Заппера** или **Рыжкова**, очень опасен для России, считает **Дынкин. Назаров**, заостряя дискуссию, высказал мнение, что прямые выборы в некоторых регионах России привели бы к обострению территориальных конфликтов – например, в Кабардино-Балкарии, Ингушетии или Чечне. Прямые выборы губернаторов в этих регионах сильно подорвали бы демократию и подвергли бы опасности развитие всей России. Не стоит, конечно, недооценивать проблематику коррупции и привилегий для элит, но нельзя упускать из виду, считает **Назаров**, реальность в сфере безопасности России. **Заппер** потребовал, тем не менее, открытой дискуссии на тему репрессий против структур гражданского общества, указав на то, что нет таких высших интересов безопасности, которыми можно было бы оправдать замалчивание этих проблем. **Владимир Рыжков** также подверг критике молчание немецких политиков. Они должны как разговаривать с представителями режима, так и поддерживать российское гражданское общество. В то же время, считает он, необходима внятная критика режима.

Константин Косачев и **Владимир Назаров** высказали совершенно иное мнение, нежели **Заппер** и **Рыжков**. Они назвали немецкую критику в адрес режима Путина ошибочной, поскольку она, по их мнению, мешает политическому развитию России. **Сергея Караганова** также смущают конфронтационный курс немецких политиков и их попытки поучать Россию. И то, и другое подогревает, как он считает, антигерманские и антизападные настроения в России и подрывает имеющийся потенциал российско-германской дружбы. **Назаров** высказал мнение, что Германия необоснованно критикует российскую демократию, недооценивая при этом прогресс, который имеет место в России. Сюда относятся, в частности, прозрачные выборы, а также облегчение условий регистрации политических партий.

По мнению **Франца Тённеса** это все же несущественные меры, осуществляемые в тени авторитарного государства. **Рыжков** посетовал также на то, что в России впервые после 30-х годов XX века снова идут судебные процессы против оппозиционеров. Их осуждают за насильственные преступления, которых они не совершали, и на фоне этих событий трудно поверить в прогресс демократизации России. С этим тезисом согласился **Ханнес Адомайт**, подтвердив при этом, что политические круги Германии должны настаивать на соблюдении Россией международных обязательств, которые она на себя взяла. Нельзя отделять друг от друга мораль и прагматизм, поскольку рыночная экономика и демократизация взаимосвязаны: и то, и другое – это предпосылки модернизации России.

На это возразил **Назаров**, указав на то, что модернизация и демократизация России идут изнутри, не требуя управления извне. Он высказался в защиту закона об иностранных агентах, принятого российскими властями, подчеркнув, что он направлен против тех игроков – прежде всего из США, которые как раз пытаются извне управлять российским развитием. Но США, не будучи моральным лидером, пыта-

ются навязать России нормы, которых сами не соблюдают. Поэтому правильно, считает **Назаров**, что такая деятельность в будущем будет пресекаться с помощью нового закона об иностранных агентах. В своем комментарии на эту тему **Ирина Кобринская** подчеркнула, что не существует ни "моральных лидеров", ни идеальных демократий. В то же время в России идет процесс демократизации на уровне гражданского общества, для которого характерны небольшие проекты российских граждан и который может привести к общественным и политическим переменам. **Рыжков** добавил, что во всех регионах России существуют сотни неправительственных организаций, состоящих не из "иностранных агентов", а из российских

П.В. Шульце, А.В. Загорский, К.И. Косачев

граждан. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы эта сеть гражданского общества стала мишенью репрессий. В то же время **Рыжков** назвал веру в то, что НКО представляют собой угрозу для государства, параноидальной, подвергнув при этом критике **Назарова** за поддержку закона об иностранных агентах. Такие общественные организации как фонд "Мемориал", которые осуществляют важную работу на благо российского общества, подпадают под репрессии в связи с законом об агентах. **Караганов** назвал фатальной привычкой российского гражданского общества получать финансирование из-за рубежа, поскольку помощь извне скорее идет во вред, чем на пользу. "Мемориал" должен работать не на зарубежные, а на российские деньги. Крупнейшую проблему для развития России **Караганов** видит в наследии советского режима, который изувечил русский народ. Поэтому Германия может внести вклад в развитие России, оказывая помощь в восстановлении системы образования и общественных структур.

Еще одной спорной темой стал вопрос о том, как российское население представляет себе политическое развитие страны. **Франц Тённес** процитировал в этой связи результаты опроса, проведенного Левада-Центром. Согласно результатам опроса, большинство населения воспринимает демократию в России как "особую демократию", как "недемократию", либо как "демократию советского толка". Проблематичной является также, на его взгляд, ориентация россиян на сильного лидера, в то время как способность к нахождению компромисса считается не столь важной. **Андрей Зубов** высказал сомнение в том, что общественное мнение в России поддерживает авторитарный режим. Пусть данные Левада-Центра достоверны, но при этом следует принимать во внимание, что российское общество подвергается обра-

ботке средствами массовой информации, прежде всего государственным телевидением. Вновь присутствующие в этих СМИ правые тенденции вызывают опасения, населению внушают идеи о "цивилизационном превосходстве" и национальном нарциссизме, которые влияют на самовосприятие населения и его мнения. **Зубов** делает вывод о том, что СМИ искажают понимание россиянами сути демократии и что изменение ситуации в СМИ привело бы к изменению общественного мнения. В этом смысле Германия должна осознать свою историческую ответственность и, исходя из своего собственного опыта, оказать России поддержку в преодолении авторитарных тенденций.

Косачев и **Кузнецов** резко возразили против упреков в том, что пресса в России не является свободной, подчеркнув, что в России существуют независимые средства массовой информации. Они отметили, что российское население имеет представления о демократии, которые диаметрально противоположны западным. Не существует идеального западного образца, которому Россия могла бы следовать, и поэтому граждане довольны уже небольшим улучшением политической системы. К тому же европейские правозащитники не могут, по их мнению, поднять в России темы, значимые для российского населения. Кроме того, **Кузнецов** в данном контексте подверг критике барьеры, которые европейская сторона сохраняет по отношению к России. Строгий визовый режим Европейского Союза ограничивает культурный обмен с Европой, мешает тому, чтобы граждане знакомились с европейскими условиями жизни и представлениями о демократии и гражданском обществе. В то же время у российских граждан, которые сталкиваются с миссионерскими замашками западных деятелей, возникают фрустрация и враждебность по отношению к Западу. Этим тенденциям, считает **Кузнецов**, надо противодействовать, расширяя культурный и научный обмен. Кроме того, ЕС должен проявить готовность к тому, чтобы воспринимать Россию как культурно и политически равноценного игрока. **Косачев** также критиковал преобладающее в Европе отношение к России. По его мнению, ЕС и Германия должны договориться о совместимости европейской и российской политики. Он высказался за то, чтобы Россия была признана европейским государством и чтобы были предприняты шаги к сближению и интеграции России в европейские структуры. Если же Европа воспринимает Россию и ее структуры как нечто "чуждое", то тем менее понятны ее попытки добиться политических перемен в России. О том, что политических изменений в России нельзя добиться с помощью санкций, говорил также **Карстен Д. Фогт**; он поддержал двойной диалог с правительством и гражданским обществом России. При этом сотрудничество является условием изменений, причем критика и сотрудничество не должны исключать друг друга. Важно, на его взгляд, также то, какие игроки и в какой форме высказывают критику, ведь партнера ни в коем случае нельзя морально подавлять. В этой связи **Ирина Кобринская** указала на кризис толерантности в Германии. Необходимо преодолеть этот кризис и разработать новую модель толерантности, которая способствовала бы укреплению безопасности и России, и Германии.

Сотрудничество в сфере безопасности как важная составная часть российско-германских отношений было еще одной темой дискуссии в рамках данной секции. При этом участники в первую очередь критиковали отношения Россия-НАТО как сферу, в которой, как подчеркнул **Клаус Виттманн**, для успешной кооперации необходимы обоюдные усилия. С одной стороны, НАТО должна взять на себя ответственность за ухудшение отношений с Россией и предпринять новые усилия по ее вовлечению в проекты сотрудничества. При этом следует с большим пониманием относиться к русской ментальности и к беспокойству российской стороны за свою безопасность. С другой стороны, Россия нуждается в пересмотре своей политики безопасности. Она должна отбросить образы врага и проявить заинтересованность в том, чтобы в долгосрочной перспективе более продуктивно сотрудничать с НАТО и Западом. Это сотрудничество в данный момент затруднено тем, что Россия все еще сетует на расширение НАТО. Но НАТО никогда не обещала России, что не будет расширяться. Совет Россия-НАТО нуждается к тому же, считает **Виттманн**, в конкретной повестке дня, чтобы Совет мог стать важным инструментом интеграции обеих сторон. **Франц Тённес** также выступил за большее сближение и интеграцию между НАТО и Россией. Небольшие шаги на пути взаимопонимания уже были сделаны, как это видно на примере Афганистана, этот успех надо наращивать. При этом Германия должна более активно привлекать Россию и способствовать большей открытости ЕС по отношению к развитию Евразийского Союза по европейскому образцу, считает **Тённес**.

Подводя итог дискуссии, **Франц Тённес** сформулировал ориентиры для дальнейшего развития российско-германского диалога. Он должен быть сфокусирован на вопросах безопасности, демократии, стабильности, а также прав человека. "Изменения посредством торговли" тесно связаны со стремлением улучшить жизнь людей, как это понимал Вилли Брандт. Торговля здесь может играть важную роль как стабильная основа для сотрудничества. В то же время надо понимать, что диалог неизбежно наполняется эмоциями, поэтому надо избегать обострения позиций, поскольку внешняя политика не должна вести к эскалации напряженности. Подпись под Уставом ООН сделала возможной, считает **Тённес**, дискуссию об актуальной ситуации и о реализации прав человека при участии России. Разговор о ценностях – это одновременно спор о ценностях. Надо совместно сформулировать цели и рационально стремиться к их достижению. На этом пути возможны неудачи, но все равно надо бороться за расширение демократического пространства, за укрепление в российском обществе понимания того, что правовое государство и демократия чрезвычайно важны. Критика при этом допустима, а диалог и сотрудничество со всеми партиями необходимы. Только таким путем можно укрепить российско-германские связи во всех областях. Что касается конкретной реализации, то надо стремиться и к "изменениям посредством торговли", и к изменениям через активность гражданского общества и через межпарламентский диалог. Кроме того, необходимо поддерживать диалог по вопросам местного самоуправления, а также толе-

рантности и внутренней интеграции общества. Российско-германские отношения следует строить в соответствии с принципом "действий в моральных целях", надо устранить разрыв между экономическими связями и политическими отношениями, проявляя при этом прагматизм, терпение и выдержку.

Эвальд Бёльке и **Герта Дойблер-Гмелин** высказались за терпеливый диалог с правительством и гражданским обществом России. Противопоставление торговли и прав человека является с их точки зрения иллюзорным и контрапродуктивным. **Дойблер-Гмелин** подчеркнула, что российско-германский диалог необходимо и расширять, и пересматривать. Подобно **Запперу** и **Рыжкову**, она указала на необходимость критического анализа ситуации с правами человека. Одновременно она открыла перспективу взаимной конструктивной критики. Международные организации – такие как Совет Европы – надо активнее использовать как форумы для обмена мнениями. Поскольку стандарты прав человека – это не внутривнутриполитические дела, надо развернуть многостороннюю дискуссию по этим вопросам. Открытость такой дискуссии, считает **Дойблер-Гмелин**, важнее обоюдной критики. Еще одну предпосылку для углубления российско-германских отношений **Алексей Кузнецов** видит в демонтаже европейских барьеров в отношении России. Европа должна ответить на встречное движение России, только в этом случае она будет воспринимать немецкую критику, а доверительный диалог станет возможным. **Хайке Дёрренбахер** тоже считает, что критика и сотрудничество друг друга не исключают. Категории "про-российский" и "критикующий Россию", по ее мнению, не противоречат друг другу, таких клише следует избегать в политическом дискурсе. Отказ от критики одновременно и труден, и опасен, считает она, ведь требования, касающиеся укрепления демократии в России, легитимны, а конструктивная критика жизненно необходима.

Несмотря на жаркие споры по проблемам российско-германских отношений, в рамках первой секции постоянно подчеркивалось значение глубоких исторических связей между обеими странами. Участники с обеих сторон говорили о том, что эти тесные связи должны сохраниться и в будущем. Демократические "искания и блуждания" обоих государств, как **Франц Тённес** назвал фазы господства диктаторов в немецкой и российской истории, образуют прочный мост ответственности, который, несмотря на возникающие порой разногласия, служит основой для усилий по поддержанию позитивных двухсторонних отношений. Как в заключение отметили **Константин Косачев** и **Александр Бузгалин**, несмотря на все разногласия, Шлангенбадский форум дает возможность не только вступать в диалог друг с другом, но и рассматривать собственные позиции с точки зрения партнера, самокритично анализировать собственные аргументы и лучше понимать аргументы другой стороны. Встречи в Шлангенбаде – это образец культурного обмена, огромный общий потенциал которого необходимо использовать во многих других российско-германских культурных проектах.

Секция 2

Что такое геополитика?

Вторая секция конференции была посвящена такому весьма спорному понятию как "геополитика". Ее участники попытались наполнить его содержанием. **Эгберт Ян** изложил в своем докладе исторические аспекты геополитики, критически проанализировал ее основные тезисы и заключения (полный текст его доклада содержится в Приложении). **Сергей Караганов** дал обзор развития геополитики в России, обосновав ее значимость для нынешнего российского мировосприятия. **Андрей Зубов**, в свою очередь, критически рассмотрел подоплеку геополитики на советском и постсоветском пространстве, выявив взаимосвязь между популярностью геополитического мышления и демократическим устройством государства. Дискуссия, последовавшая за докладами, была, в частности, посвящена значению геополитических категорий для нынешней внешней политики, а также дальнейшему развитию мирового порядка.

Как констатировал в своем вступительном слове **Йенс Паулюс**, в Германии геополитику долгое время считали дискредитированным термином – в отличие от остальной Европы и России. Чтобы в достаточной мере объяснить это обстоятельство, **Эгберт Ян** сначала остановился на определении этого понятия, а затем проследил его развитие в немецкой истории. Однозначного ответа на вопрос "Что такое геополитика?" не существует, заявил **Ян**, поскольку геополитика это не определенный феномен, а то, что под этим подразумевается или подразумевалось. В качестве примера **Ян** привел опубликованную в 1925 году книгу немецкого геополитика Карла Хаусхофера "Геополитика Тихого океана". На вопрос "Что такое геополитика?" Хаусхофер отвечает, что геополитика – это нечто большее, нежели умение государственного деятеля распознавать и использовать неизбежные факты и тенденции в политике. Речь скорее идет об умении – помимо поверхностного рассмотрения текущих вопросов – понимать тенденции мировой политики с их взлетами и падениями, что требует углубленного знания строения народов и государств и основных закономерностей мировой политики. **Ян** делает вывод о том, что основоположники геополитики стремились к некоему универсальному синтезу географии, политологии и истории, на основе которого выстраивали рекомендации для принятия политических решений.

После второй мировой войны термин "геополитика" (Geopolitik) перестал употребляться в Германии – наряду с такими понятиями, характерными для нацистской идеологии, как "раса" (Rasse), "сообщество" (Gemeinschaft), "вождь" (Führer) или "ариец" (Arier). Поэтому геополитика долгое время считалась псевдонаукой, которую нацисты использовали для легитимации своей политики уничтожения. Дискредитация этого термина осложнена тем, что в англосаксонских странах понятие "geopolitics" такой коннотации не имеет. В литературе, в свою очередь, "геополи-

тика" зачастую рассматривается не как "политика", а как наука. На вопрос о том, как объяснить этот феномен, **Ян** высказал предположение, что определенного пространства или предмета, который был бы объектом геополитики, не существует. Таким образом, геополитика представляет собой интерпретацию политики, и ее можно охарактеризовать как науку или идеологию.

Развитие геополитической теории в Германии отличалось большой национальной спецификой. основополагающим трудом по геополитике можно считать книгу Фридриха Ратцеля "Политическая география или География государств, транспорта и войны". Специфика его подхода состояла в том, что он рассматривал государство как организм – не в биологическом смысле, а как организацию с определенными структурами и "органами". В своей книге Ратцель объясняет, что понятие поведение государств можно лишь исходя из понимания того, как работают его внутренние структуры. Исходный тезис Ратцеля состоит в том, что на протяжении истории происходит сокращение количества государств – от нескольких тысяч до нескольких сотен. В то же время государство может лишь тогда стабильно развиваться, когда землевла-

дение вытесняет кочевую экономику и государство имеет прирост населения. При этом "население" не следует определять по этническому признаку, и оно должно признавать государство. История успеха британского государства свидетельствует о том, что колонизация и приобретение новых земель являются предпосылкой стабильного развития государства. При этом государство также рассматривается как пространство "творчества" для народа. Ратцель считал себя политическим географом. Что же касается термина "геополитика", то его впервые ввел в обиход шведский географ Рудольф Челлен. Будучи приверженцем консервативно-автократических идей Германского Рейха, он охарактеризовал первую мировую войну как "победу неполноценной западной, универсальной цивилизации над высокой европейской культурой".

Тот факт, что геополитика Хаусхофера вступила в альянс с нацистской идеологией, в значительной мере обусловлен, по мнению **Яна**, влиянием ассистента Хаусхофера Рудольфа Гесса, одного из ближайших соратников Гитлера. Благодаря ему, понятия, которые использовал Хаусхофер, попали в терминологию нацистов и в "Майн Кампф". Но Хаусхофера интересовала история британской империи и вопрос о том, как можно сломить ее глобальную монополию, не развязывая войны. Одну из возможностей для этого Хаусхофер видел в создании евразийского конти-

континентального блока. Его геополитика состоит, таким образом, в конфронтации морских держав с континентальными державами. С точки зрения первых, к которым относятся США, евразийский альянс может обеспечить континентальному блоку мировое господство, и поэтому этого альянса нельзя допустить. Эта концепция наложила свой отпечаток на глобально-политическое мышление в период "холодной войны" вплоть до распада Советского Союза. Сегодня "западная" геополитика связана с представлением о том, что Россия и Китай являют собой угрозу для западной демократии. Резюмируя, **Эгберт Ян** подчеркнул, что геополитику следует охарактеризовать как великодержавную, милитаристскую политику. Что касается ее актуальности, то он отметил, что, например, тезис Ратцеля об экспансии государств теперь неприменим, так как количество государств в последнее время, наоборот, растет. С этой оценкой согласился **Гюнтер Йотце**, отметив, что это, вероятно, является результатом запрета наступательных войн, а также повышения обороноспособности малых государств, то есть объясняется скорее военными и политическими, чем пространственными факторами. Кроме того, считает **Ян**, принцип национального государства трансформировался в антиимперский принцип, больше не допускающий экспансии. Вместо этого наблюдается тенденция к интеграции государств: на смену экспансии пришла инклюзия. Это различие Россия не хочет понять, считает **Ян**. Тот факт, что интеграционные процессы теперь никому невозможно навязать, что они происходят исключительно на основе добровольного решения государств, не прекращает, однако, геополитическую конкуренцию великих держав. В 1990/91 годах началась интеграционная конкуренция между общественно-политическими моделями Брюсселя и Москвы. Евросоюз предлагает модель интеграции без гегемонии. По этой причине невозможна ни интеграция ЕС с США, ни интеграция ЕС с Россией, поскольку эти ориентированные на гегемонию великие державы не вписываются в интеграционную модель Европейского Союза. Данная ситуация обуславливает продолжение глобальной конкуренции и мышления в имперских категориях. Чтобы противодействовать великодержавному мышлению, нужно, по мнению **Яна**, ставить вопрос о глобальной интеграции.

Можно ли говорить о глобальной экономической, политической и общественной интеграции в качестве альтернативы общеевропейской интеграции? Реагируя на этот вопрос, **Петер В. Шульце** сослался на публикацию "Возвращение геополитики", в которой он совместно с другими авторами рассматривает различные возможные геополитические перспективы для стран Восточной Европы. При этом в будущем можно себе представить как включение России в "Большую Европу", что привело бы к развалу Евроазиатского пространства, так и ее интеграцию в азиатское пространство. Поскольку будущий мировой порядок может быть как многополярным, так и триполярным и поскольку возможно как кооперативное, так и конфронтационное развитие российско-европейских отношений, пока не ясно, какое соотношение сил сложится в будущем, сохранится ли нынешнее "ядро Европы" или же начнется новое интеграционное движение.

С тезисом **Яна** о несовместимости России или США с европейскими интеграционными процессами не согласился **Кузнецов**: интеграция ЕС с Россией вполне возможна, считает он. Рассматривая интеграционные процессы, не стоит также недооценивать "эффект домино". Так разворачивались процессы вступления в ЕС, которые были обусловлены не только добровольностью, но и косвенным принуждением.

Сергей Караганов представил в своем докладе российский взгляд на геополитику. Она была в опале не только в Германии, как говорил вначале **Паулюс**. В США до последнего времени ее также считали неполиткорректной и неуместной, отметил **Караганов**. В Советском Союзе геополитику также отвергали как "буржуазную науку". Сам **Караганов** определил геополитику как простую и логичную формулу внешней политики, помноженной на географию, задав при этом вопрос о том, почему геополитика вернулась в дискурс США и России. На его взгляд, это обусловлено взрывным ростом Азии, повышением ценности территории и ростом значения Африки как континента, богатого сырьевыми ресурсами. Возвращение геополитики можно также объяснить новой эрой ренационализации, которая началась после того, как был отвергнут тезис об "отмирании государства". Кроме того, глобальный климатический кризис ярко продемонстрировал зависимость человека от природной среды, сделав географию решающей политической категорией. Вокруг Тихого океана, первого геополитического центра, разгорелись новые конфликты. Новые конфликты из-за нефтяных ресурсов возникают вокруг второго геополитического центра – Индийского океана.

В России, по мнению **Караганова**, всегда занимались вопросами геополитики, поскольку в российской политике всегда доминировало традиционное мышление. Поэтому в России возвращение мира в геополитическую колею мышления было встречено с огромной радостью. Просторы Сибири могли бы стать мотором экономического развития, но до сих пор их геополитическое значение использовано не было. Позитивный факт возвращения геополитики не снижает, однако, значение идеологий, что подтверждает упомянутая **Яном** западная истерия в связи с (не)демократизацией. Но эти тезисы ложны, ведь в глобальном масштабе в настоящее время наблюдается рост демократии, который увеличивает влияние граждан во всем мире. **Караганов** посетовал на гегемонию западных государств в вопросе определения понятия "демократия". Так, Запад критикует Китай за отсутствие демократии, хотя эта страна как раз переживает процессы демократизации и модернизации. Это означает, что дефиниционная власть Запада сломлена, и "демократизацию" теперь уже нельзя отождествлять с "западной ориентацией". Подхватив тезис **Яна** об интеграции, **Караганов** подчеркнул, что Россия также может предложить привлекательные модели интеграции – как, например, предложение Путина об интеграции ЕС и России, которое оставляет пространство для маневра тем странам, которые, например, хотят выйти из ЕС. С помощью таких идей можно творчески

использовать геополитику, чтобы раскрывать новые возможности для сотрудничества, а также интеграции.

Совершенно иную оценку геополитике дал **Андрей Зубов**. Реагируя на разъяснения **Эгберта Яна**, он высказал несогласие с его тезисом, что геополитика не имеет объекта. Политику можно себе представить без пространственного измерения, но геополитика как раз занимается конкретным предметом – географическим пространством, а также теориями, согласно которым государство, исходя из своего географического положения, должно проводить определенную политику, будучи обреченным на определенные конфликты.

В.А. Рыжков, А.Б. Зубов

Суть геополитики – это ведь предопределенность политики географическим положением. Такая интерпретация политических действий несет в себе логику фатализма и

представляет собой "лженауку", поскольку география может влиять на политические решения, но все же их не детерминирует. Так, например, многие пакты, которые, если следовать геополитической логике, были неизбежны, не были заключены. Опала, которой геополитика была подвергнута во второй половине XX века, понятна, считает **Зубов**, поскольку геополитическая вера в то, что география предопределяет политику, привела к развязыванию и первой, и второй мировых войн.

Затем **Зубов** обратился к вопросу о том, почему геополитика играет столь значительную роль на постсоветском пространстве и в России. При этом он пришел к четырем выводам, в корне отличным от тезисов **Караганова** о ренессансе геополитики. Во-первых, после второй мировой войны на территории Советского Союза произошел культурный обвал. На Западе и прежде всего в Германии ученые и политики размышляли о причинах второй мировой войны и поэтому отвергли геополитику. В то же время это понимание так и не проникло на советское пространство, поскольку там праздновали победу над нацистской Германией, используя ее в националистических целях. Второй момент, способствовавший возвращению геополитики на постсоветское пространство после 1991 года, - это ощущение маргинализации всего региона после развала Советского Союза. Это ощущение в России хотели компенсировать за счет реанимации геополитики, поскольку в геополитических категориях Россия представляла собой не гибнущую, теряющую всякое влияние державу, а четверть всего мира. Третьим моментом были антиамериканизм и антизападные настроения, культивируемые коммунистическим руководством. Хотя ком-

мунистическая идеология потускнела, остался антиамериканизм. Для российских игроков геополитика – это подходящий инструмент для того, чтобы подкреплять эти позиции не за счет отвергнутой идеологии, а с помощью концепции "географической детерминации". Четвертая причина популярности геополитики в России, считает **Зубов**, это ностальгическая тоска по российской империи: евразийское пространство заменило теперь бывшую империю. Именно в этом контексте следует воспринимать высказывание Путина о том, что распад Советского Союза явился "крупнейшей геополитической катастрофой XX века". Подводя итог, **Зубов** осудил геополитику как ложную идеологию, сравнимую с тезисом Сэмюэла Хантингтона "о столкновении цивилизаций". Но в то время как этот тезис считается в США идеологией и серьезно не рассматривается в известных университетах и институтах страны, геополитика является в России существенным элементом государственной идеологии. В заключение **Зубов** указал на то, что политические лидеры лишь тогда могут навязать народу геополитическую идеологию и вовлечь его в насильственное завоевание геополитического пространства, когда в стране отсутствуют демократия и свобода слова. Тогда геополитика может заменить собой свободу и неизбежно поведет назад к диктатуре. В демократических условиях геополитическое мышление хиреет, так как для мобилизации масс его явно не достаточно. Поскольку такое развитие идеологии и ненужно, следует с большой настороженностью относиться к склонности российского руководства к мышлению в геополитических категориях, резюмировал **Андрей Зубов**.

В ходе последовавшей за этим дискуссии участники совершенно по-разному оценили роль и значение геополитики для международных отношений. **Владимир Барановский** поблагодарил докладчиков за интересные выступления, но поставил при этом под сомнение важность геополитики для нынешнего дискурса, констатируя, что сегодня геополитики не существует – ни как науки, ни как подхода в политике. География и природные факторы играют, разумеется, определенную роль, но они существовали задолго до Маккиндера и Ратцеля, не оказывая серьезного влияния на внешнюю политику государств. Так что геополитика – это интересный предмет, но серьезное научное рассмотрение данной темы показало бы, что в ней нет никакой надобности. Тема геополитики не должна также никого беспокоить: пусть "геополитики" иногда и появляются в политике, но они представляют собой бесперспективные отдельные случаи. С такой оценкой не согласился **Ральф Тиле**. По его мнению, пространственное мышление по-прежнему актуально, и его нельзя просто игнорировать. Наряду с географическими пространствами существуют также киберпространство, космос и другие пространства, которые также играют определенную роль в политическом мышлении. **Кузнецов**, в свою очередь, охарактеризовал геополитику как политическую географию без особого углубления в экономическую географию.

В отличие от **Барановского**, **Андрей Загорский** подхватил вывод **Зубова** о том, что не следует недооценивать геополитические аргументы, применяемые в россий-

ской политике. Геополитику в 50-е годы XX века отвергли не как "лженауку", а как "прото-науку". Геополитические модели мышления, однако, сохранились до сих пор: к ним прибегают тогда, когда не срабатывают другие аргументы. На свет вытаскиваются старые геополитические теории, поскольку политики не успевают за стремительным глобальным развитием, не могут его рационально объяснить. С этим выводом согласился **Караганов**. Он, однако, считает геополитическое мышление естественным и предсказывает ренессанс геополитики и в Европе, как только она начнет претендовать на лидерскую роль в мировой политике.

Ирина Кобринская отметила, что новые тенденции расширили классическую концепцию геополитики, которую представил **Ян**. С одной стороны, речь идет о новой конкуренции за ресурсы – человеческие ресурсы, воду, продукты питания, энергоносители. Это придает геополитической борьбе за власть новое качество. С другой стороны, сейчас существуют два динамичных центра геополитики: трансатлантический и тихоокеанский. Какую геополитическую роль может играть в данной ситуации Россия, еще предстоит выяснить. Новейшее изменение геополитического расклада сил – это новая расстановка игроков, поскольку сейчас становятся заметными и небольшие игроки – например, в Центральной Азии, – которые оказывают влияние на большие геополитические тенденции и которых ни в коем случае не следует маргинализировать, считает **Кобринская**.

Полемизируя с **Зубовым**, **Александр Бузгалин** с легкой иронией заметил, что он всегда был критиком геополитики, но лишь благодаря выступлению **Зубова**, наконец, понял, почему она столь популярна в России: симпатия россиян к геополитике – это реакция на резкую критику, исходящую от Зубова. Дело в том, что россияне, как считает **Бузгалин**, склонны к тому, чтобы делать противоположное тому, чего от них требуют. Так, русскому человеку, если ему советуют беспокоиться только о собственном благополучии, еще больше хочется сотворить либо нечто чудесное, либо что-то ужасное. Пока представители демократических стран все будут мерить экономическими категориями, в России сохранится глубокий скепсис по отношению к потреблению и рыночной экономике. То, что на Западе пренебрегают моральными категориями, вызывает в России неприятие и негативное отношение к Западу, считает **Бузгалин**.

В своем завершающем выступлении **Эгберт Ян** указал на то, что геополитика изначально была связана с определенной формой политики – с захватнической политикой, а также с социал-дарвинистской интерпретацией мира и с представлением о пространстве как о политической категории. Нынешние процессы интеграции и размышления о том, что, например, балканские государства могут вступить в ЕС, а Марокко не может, обусловлены пространственным делением мира, сложившимся еще во времена противостояния между Востоком и Западом. Все политические решения – это одновременно пространственно-политические решения, в том числе решения на федеральном или региональном уровне Германии, считает **Ян**. При

этом всегда возникает вопрос о том, какие пространства следует заполнить или завоевать. Так что пространства – это неотъемлемая составная часть политического мышления. Но от термина "геополитика" при этом вполне можно отказаться.

Секция 3

Революция на энергетических рынках? Будущее германо-российской бизнес-модели

Третья секция нынешних Шлангенбадских бесед была посвящена вопросу будущих тенденций на рынках энергоносителей и их влияния на экономические отношения между Россией – одним из важнейших в мире экспортеров энергии – и ее торговыми партнерами в Европе. Технологические новации последних лет – прежде всего в области добычи альтернативного газа, а также связанное с этим появление новых игроков – например, США – на глобальных энергетических рынках подчеркивают важность данной темы. Предстоит, в частности, выяснить, как российские компании, а также российское правительство будут реагировать на новые вызовы в технологической и торгово-политической сферах и как это повлияет на отношения между Европой и Россией, а также на надежность снабжения Европы энергоносителями.

В своем вводном слове **Ханс-Йоахим Шпангер** указал на многообразные и стремительные изменения, отмечаемые сейчас на энергетических рынках – в частности, на рынках газа. Некоторые наблюдатели даже говорят о настоящей "революции". Сюда относятся, например, разработка новых газовых месторождений с помощью новых методов добычи – таких как "фрекинг" – или усовершенствования в области транспортировки сжиженного природного газа (СПГ). Эти новшества не только отменили традиционную привязку к газопроводам, но и привели к растущей глобализации рынков газа. Они также вывели на рынки новых игроков, которые поколебали позиции традиционных крупных экспортеров. Здесь **Шпангер** назвал в первую очередь Соединенные Штаты, говоря об "истории американского успеха", так как эта страна сумела в нужный момент сделать ставку на технологию фрекинга, добившись в этой сфере впечатляющих успехов на благо собственной экономики. Так, цены на газ на американском внутреннем рынке сильно упали; кроме того, страна получила возможность через несколько лет стать полностью независимой от внешних поставщиков энергоносителей. Европа и, в частности, Германия осторожно относятся к новым технологиям. России – традиционному главному игроку в энергетическом секторе – еще только предстоит определить свою роль в изменившихся условиях, считает **Шпангер**.

Елена Телегина в своем вводном реферате также исходила из того, что изменение условий на глобальных энергетических рынках будет иметь серьезные последствия для участников рынка – хотя еще не все политики осознали, насколько велик потенциал так называемой "сланцевой революции". В то же время новые технологии еще более повысили значение углеводородного сырья как перспективного энергоносителя: сейчас многие исходят из того, что запасов газа хватит еще на 130 лет, а запасов нефти еще на 100 лет, причем новые оценки удлиняют эти сроки. Но имеются и прямые последствия – такие как глобализация рынков газа, которую следует понимать и как шанс, и как риск. Стремительные изменения на региональных энергетических рынках и снижение их значимости ведут, по мнению **Телегиной**, к нестабильности, ставя традиционных игроков на этом поле перед большими вызовами. Так, следует ожидать конфликтов интересов и снижения надежности снабжения. В последовавшей за этим дискуссии **Виктор Ларин** задал вопрос о том, как изменение условий торговли газом отразится в будущем на международных нефтяных рынках и, в частности, на роли стран ОПЕК. Он указал на то, что нефтедобывающие страны рассматривают нынешние высокие цены на нефть как временное окно для диверсификации своей экономики и для инвестиций в другие отрасли. **Телегина** считает, по крайней мере, возможным, что ОПЕК через несколько лет утратит свое привилегированное положение. **Андреас Гольтау** подчеркнул особое значение экспорта энергоносителей для политической стабильности государств ОПЕК, которую они зачастую покупают с помощью дорогостоящих социальных программ, которые можно профинансировать только за счет высоких цен на энергоносители. Если эти программы в результате обсуждаемых изменений на глобальных рынках уже невозможно будет финансировать, это может привести к социальным и политическим конфликтам.

Несмотря на потенциальные потрясения в результате использования новых методов добычи, нельзя отрицать их растущую значимость. Так, **Телегина** указала на то, что оценки объемов альтернативных запасов постоянно корректируются на повышение, и прогнозирует, что уже в ближайшие пять-семь лет сланцевый газ станет главным товаром на мировых рынках газа. Это является вызовом для традиционных игроков в газовом секторе и заставляет их приспосабливаться к новой ситуации. Сегодня становится ясно, что прежде всего Соединенные Штаты сумели своевременно сделать ставку на сланцевый газ. Так, эта страна, обойдя Россию, стала крупнейшим в мире производителем газа. Кроме того, американская экономика выигрывает от самых низких в истории цен на энергоносители на внутреннем рынке США. **Телегина** также предположила, что США через два-три года начнут заниматься экспортом газа, поскольку объем его добычи продолжает расти. Это может, конечно, привести к подъему цен на рынке США, но в то же время будет стимулировать рост мировой экономики.

В целом же можно сказать, что сланцевый газ, несмотря на дороговизну технологии его добычи, может быть конкурентоспособным на мировых рынках, тем более что оптимизация технологии в ближайшие годы приведет к снижению издержек, так что все больше проектов будут становиться рентабельными. Большинство из крупных энергокомпаний, утверждает **Телегина**, уже увидели эту тенденцию и осуществляют инвестиции в сферу альтернативной энергетики. Вопрос о перспективной ценовой динамике на рынках газа остается открытым, поскольку снижение цен может помешать инвестициям и новым проектам

А.А. Дынкин, Е.А. Телегина

добычи – в частности, если отвязка цены газа от цены на нефть приведет к дальнейшему снижению газовых цен. В то же время можно исходить из того, что это позитивно повлияет на динамику мировой экономики – прежде всего, если растущие рынки Азии окажутся в выигрыше от дешевой энергии. Россия же скорее всего проиграет в результате "сланцевой революции", заметила **Елена Телегина**. К тому же Россия и российские газовые компании столкнулись с серьезным вызовом: им нужно приспособиться к новой конкурентной ситуации и догнать конкурентов в деле разработки новых методов добычи, что требует высокого технического ноу-хау. Таким образом, роль нефти в российской экспортной экономике растет. Относительно стабильная и высокая цена на нефть – при снижении газовых цен – делает торговлю нефтью более перспективным бизнесом, что отражается на состоянии двух известных российских компаний: "Газпром" страдает от снижения нормы прибыли и даже рискует быть разделенным на транспортную и добывающую компании. В то же время "Роснефть" недавно приобрела ТНК-БиПи и договорилась о передаче технологий с "Бритиш Петролеум", что дает концерну возможность осуществлять в будущем дорогостоящие и технически сложные проекты.

В заключение г-жа **Телегина** затронула вопрос, вызвавший оживленную дискуссию среди участников: будущее и возможности нетрадиционных методов добычи газа в Европе. "Фрекинг" не только вызывает все больше споров в обществе, по этому вопросу нет единства и среди европейских государств. При этом можно было бы привести много аргументов и за, и против. С одной стороны, европейские страны также получили бы возможность производить газ хотя бы для собственного потребления и стать менее зависимыми от традиционных поставщиков – например, от России. В период роста цен на энергоносители тем самым можно было бы сдерживать повышение цен. В этом плане наиболее позитивно к фрекингу относятся прежде всего такие

страны как Польша и Украина, которые недовольны зависимостью от российских поставок газа. Противники этой технологии – в частности, Франция, Болгария, а также Германия – аргументируют в том плане, что ее экологические последствия пока не ясны. **Елена Телегина** ответила, что в будущем скорее ожидает позитивного отношения к нетрадиционным методам добычи: если цены на энергоносители и дальше будут расти и это негативно отразится на собственной экономике и прежде всего на экспорте, сомнения отступят на задний план. Кроме того, месторождения в Европе – в первую очередь на юге и в Скандинавии – уже сейчас находятся под прицелом внешних инвесторов, так что их разработку, очевидно, все равно не удастся предотвратить.

Другие участники также комментировали европейскую позицию в связи со "сланцевой революцией" и роль, которую в этом вопросе играют европейские государства. **Юрген Мёперт**, например, подверг критике позицию Германии, которая превращает фрекинг в новую "страшилку". Не разбираясь в технических требованиях и деталях нетрадиционных методов добычи газа, комментаторы политизируют эту тему, педалируя экологические аспекты. В 2013 году, в котором развернется предвыборная кампания, эта тенденция только усилится. Реальность состоит, однако, в том, что технология фрекинга уже давно регулярно применяется в Европе, причем широкая общественность не обращает на это внимания. Этот метод хорош для активизации истощенных месторождений; кроме того, открытая дискуссия о различных методах добычи способствовала бы тому, чтобы больше средств предоставлялось на исследования и разработки в данной сфере – это стало бы позитивной тенденцией, от которой уже выиграли США. Нынешняя волна протестов ведет, наоборот, к тому, что уже осуществляемые успешные проекты могут быть закрыты. Такая необоснованная политизация в любом случае неприемлема, считает **Мёперт**.

Герхард Манголт высказал в этой связи свои сомнения. Он призвал к тому, чтобы рассмотреть последствия снижения цен на газ через призму экологических целей: в то время как снижение выбросов CO₂ можно достоверно измерить, оценить потенциальные риски мы пока не можем. К ним относится, например, выход метана при разработке месторождений сланцевого газа. **Виктор Ларин** также указал на неясные экологические последствия расширения добычи альтернативного газа и поставил вопрос о нетто-балансе этих новых методов. **Мёперт**, успокаивая сомневающихся, подчеркнул, что выход метана еще ни разу не наблюдался, хотя уже накоплен большой опыт применения этого метода добычи газа. **Эвальд Бёльке** высказал в этой связи скепсис иного рода. Европа не обладает достаточно большими месторождениями, чтобы добывать сланцевый газ по конкурентной цене, так что соответствующие проекты вряд ли будут экономически успешными.

Юрген Мёперт начал свой доклад со сравнения энергетических тенденций в США и Германии, показав затем, что американская стратегия гораздо более перспективна. Благодаря новым сланцевым технологиям цены на природный газ снизились

практически наполовину. Это идет на пользу не только американской экономике, так как снижает производственные издержки; снижение выбросов CO2 дает также положительный экологический эффект. Что же касается Германии, то там закрываются газовые электростанции, а вместо этого импортируется дешевый (американский) каменный уголь. Это неумно не только с точки зрения экологии, но и с учетом перспектив развития германской экономики, считает **Мёперт**.

Ошибку, на взгляд **Мёперта**, здесь совершает прежде всего политическое руководство страны, которое не создает стимулов для наращивания потребления и производства газа в Германии. Более того, из политических соображений оно сворачивает

К. Виттманн, Ю. Мёперт, В.П. Назаров

уже реализованные проекты, что порождает неэффективность. В качестве примера **Мёперт** упомянул газопровод "Северный поток", проложенный в Германию при участии компаний "Винтерсхалл" и "Газпром". Условие, выдвинутое Комиссией ЕС, состоит в том, чтобы 50 процентов транспортной мощности газопровода было предоставлено другим компаниям кроме "Газпрома"; но дело в том, что других заинтересованных компаний нет. Так что газопровод работает в половину мощности. **Юрген Мёперт** в принципе согласен с политической линией на диверсификацию – то есть на снижение зависимости Европы от поставок российских энергоносителей, но при этом указал на то, что нельзя упускать из виду реализуемость некоторых требований. Россия, считает он, остается важнейшим партнером в деле обеспечения надежного энергоснабжения, тем более что альтернативы вроде проекта "Набукко" провалились. Он призвал к тому, чтобы инвестировать больше средств в энергетические проекты, потому что согласно прогнозам большинства специалистов к 2017/18 годам может возникнуть дефицит импорта – например, газа -, что имело бы пагубные последствия для Европы. В то же время существующие транспортные инфраструктуры сильно устарели – к примеру, в Украине, где с 90-х годов практически не инвестировали средств в поддержание газопроводов в исправном состоянии. Надежность энергоснабжения можно, таким образом, гарантировать лишь при условии, что будет осуществляться больше проектов – в том числе при государственной поддержке, в частности, со стороны ЕС.

В рамках последовавшей дискуссии **Ханнес Адомайт** поинтересовался перспективами европейско-российского сотрудничества в энергетической сфере. В отличие от **Юргена Мёперта**, в центре внимания которого находилась позиция Евросоюза,

он интересовался стратегией России. Он исходил из того, что мощностей Северного и Южного потоков будет недостаточно, чтобы покрыть потребности Европы в энергии, что требует новых проектов по строительству газопроводов. Роль "Газпрома" будет решающей для перспектив сотрудничества между Россией и европейскими странами. **Манготт** также присоединился к этому мнению, выразив при этом, однако, сомнение в том, что необходимый объем российского экспорта в ЕС действительно столь велик, как об этом зачастую говорят политические деятели. Он отметил, что оценить такие крупные проекты, как строительство трубопроводов, невозможно без учета их политического значения. **Елена Телегина** высказала сомнение в том, что Россия сможет отстоять свои позиции как поставщик энергоносителей в Европу. Европейский рынок вскоре насытится благодаря импорту из многих стран, так что останется лишь традиционное надежное сотрудничество между Россией и Германией, считает она. **Мёперт** подчеркнул, что нельзя недооценивать потенциал многолетнего успешного российско-европейского сотрудничества в сфере энергетики, которое дает обеим сторонам региональное конкурентное преимущество. Благодаря своему доминирующему положению на европейском рынке "Газпром" сможет и дальше сохранять на рынке высокую цену на газ и в то же время создать систему скидок, предоставляемых по результатам индивидуальных переговоров.

Ханс-Фридрих фон Плётц ответил на критику **Мёперта** в отношении недалекости европейской политики, которая, по мнению последнего, подрывает экономические и энергетические перспективы Европы. Он напомнил о том, что колебание цен на энергию оказывает серьезное влияние на уровень производственных издержек и конкурентоспособность предприятий. Поэтому европейские государства, бедные ресурсами, должны, по мнению **фон Плётца**, уделять приоритетное внимание энергоэффективности и возобновляемым видам энергии, чтобы так сильно не зависеть от колебаний цен на мировых рынках. **Андреас Гольтау** заметил, однако, в этой связи, что доля энергии в цене товара, как правило, невысока, так что имеется, наверное, совсем немного энергоемких отраслей, которые могут пострадать от давления цен на энергоносители. **Телегина** также подчеркнула значимость возобновляемых видов энергии, упомянув в данной связи в первую очередь электропривод для автомобилей. Если эта технология найдет широкое распространение, что, правда, требует определенных политических решений, это будет иметь серьезнейшие последствия для рынков газа и нефти, считает она.

Во второй части своего доклада **Мёперт** остановился на переменах на мировых энергетических рынках с предпринимательской точки зрения, представив свои размышления о том, как можно справиться с нынешними вызовами. Он напомнил, в частности, о том, что традиционная цепочка поставок газа сильно сократилась; поставки теперь осуществляются не до национальной границы, а лишь до центральных торговых площадок – так называемых "спотов". К тому же падение цен в США в результате смещения экспортно-импортных потоков повлияло на мировой рынок,

что привело в первую очередь к снижению нормы прибыли в торговле газом: прибыль все больше смещается к "источнику". Для адаптации компаний к этой новой ситуации, считает **Юрген Мёперт**, решающее значение имеет стратегическая кооперация между концернами. Ситуация "win-win" для участвующих в этом процессе компаний может быть обеспечена только за счет новых видов партнерства – например, за счет совместных инвестиций в разработку новых, дешевых методов добычи или за счет большей активности у "источника". Для долгосрочного успеха проектов очень важно, чтобы страны-поставщики вовлекались в эти проекты и рассматривались как равноправные партнеры. Именно в секторе энергетики, где во многих странах наблюдаются тенденции к (ре)национализации, пропуском для международных инвесторов являются не деньги, а хорошие партнерские отношения и технологическая компетентность. В качестве позитивных примеров **Мёперт** назвал Северный и Южный поток, а также сотрудничество между компанией "Винтерхалл" и норвежским государственным концерном "Статойл". **Герхард Манготт** положительно отозвался о такой ориентации на сотрудничество, указав на то, что страны-производители уже сейчас участвуют в большинстве проектов по строительству трубопроводов, что серьезно повышает реализуемость этих проектов.

Андреас Гольтау начал свой реферат с констатации, что поворот в энергоснабжении возможен: инновативные методы предлагаются в период относительно высоких цен, что способствует рентабельности инвестиций. Это находит свое отражение в дебатах о нетрадиционных методах добычи энергоносителей, которые уже идут в Европе, США и Азии. В то же время пока не понятно, как "сланцевая революция" повлияет на динамику энергетических рынков. **Гольтау** выдвинул в этой связи тезис о том, что Европа как энергетический игрок никакой роли не играет; будущее европейского энергоснабжения в решающей мере зависит от США и Азии. На азиатском континенте на уровень цен и объемы добычи влияет прежде всего Китай. С одной стороны, только благодаря своим размерам Китай уже сегодня является огромным рынком сбыта – причем его значимость будет расти. Одновременно эта страна проводит разумную энергетическую политику, что дает ей определенное пространство для маневра, когда речь идет о выборе торговых партнеров и о формировании цен. **Гольтау** подчеркнул, что Китай проводит удачную диверсификацию, исключая одностороннюю зависимость: Китай сам добывает сланцевый газ, заключил договоры с государствами Центральной Азии и импортирует, кроме того, сжиженный газ из Австралии и Катара. Поэтому страна может занимать на переговорах о ценах твердую позицию и выторговывать себе выгодные условия; так, до сих пор не заключено соглашение с Россией – крупнейшим в мире поставщиком газа, потому что Китай настаивает на низкой цене импорта. Таким образом, цены на газ, по которым в будущем будет снабжаться азиатский рынок, – это решающая переменная величина, от которой будет зависеть "революция" на газовых рынках.

Что касается США, то **Андреас Гольтау** назвал здесь главным моментом временной фактор. До сих пор эта страна производила газ только для внутреннего потребления, что было очень полезно для американской экономики. Но теперь уже запланировано множество проектов по экспорту газа; даже если не все они будут реализованы, Соединенные Штаты могут стать вторым или третьим по значению экспортером газа в мире. Согласно прогнозу **Гольтау**, поставки могут начаться в 2016 году, что опять-таки связано с первым фактором – с азиатским рынком. Дело в том, что многие эксперты предполагают, что в Китае около 2017 года может возникнуть дефицит предложения: если Соединенные Штаты к этому времени смогут предложить интересные условия и хорошие цены, то им мало что может помешать в деле завоевания азиатского рынка, считает докладчик. Это могло бы в корне изменить нынешнюю структуру мировых рынков энергоносителей, в результате чего такие традиционные игроки как Россия окажутся под огромным давлением.

В заключение **Гольтау**, однако, подчеркнул, что обозначенные им тенденции имеют множество переменных факторов, и пока неясно, как все сложится в реальности. Так, в Соединенных Штатах существуют мощные группировки, выдвигающие лозунг: "American gas shall stay home"; кроме того, доля газа в общем энергетическом балансе США может снизиться в пользу возобновляемых источников энергии и даже в пользу дешевого угля. Уже сейчас, однако, ясно, что колебания и потрясения на рынках энергоносителей в будущем скорее усилятся. Эти процессы требуют (политического) регулирования, чтобы ограничить негативные последствия таких потрясений с помощью мер по адаптации к ним народных хозяйств или через снижение объема инвестиций. С этой оценкой согласился в ходе дискуссии также **Сэмюэл Черап**. Он отметил наличие рисков – прежде всего в отношении США. На настоящий момент невозможно сказать, будет ли экспорт сжиженного или сланцевого газа вообще рентабельным; кроме того, пока не ясна позиция министерства энергетики, которое оставляет за собой право по политическим соображениям тормозить экспортные поставки. И тот, и другой фактор представляют собой огромное препятствие для инвестиций в новые технологии. Свои сомнения выразил также **Мёперт**, отметив, что цены на газ на американском внутреннем рынке нельзя отождествлять с экспортными ценами: транспортировка газа, например, в Европу связана с большими издержками, а применяемая сейчас технология СПГ требует сооружения дорогостоящих установок по сжижению газа, что неизбежно отразится на цене. Кроме того, **Мёперт** назвал преимущества, которые дает экономике США производство газа для собственных нужд. Американские фирмы могли бы обеспечить себя энергией по выгодным внутренним ценам, сохранив независимость от зачастую нестабильных мировых спот-рынков. Это является преимуществом, которое страна, вероятно, захочет сохранить, что нашло бы свое отражение в ограничении экспорта, считает **Мёперт**.

Секция 4

На восток? Дальний Восток становится ближе

Темой последней секции конференции в Шлангенбаде были тенденции развития Дальневосточного региона. При этом в центре внимания были отношения с Китаем – в частности, возможности и проблемы российско-китайского сотрудничества. Как отметил в своем вступлении **Александр Дынкин**, после длительной фазы застоя в дискуссиях по проблематике Тихоокеанского бассейна сейчас действительно начались подвижки. Были осуществлены инвестиции в дальневосточные регионы России – в частности, в инфраструктурные проекты; кроме того, саммит АТЭС (АРЕС, Asia-Pacific Economic Cooperation) в 2012 году стал важнейшей вехой для Владивостока: это событие наконец-то привлекло внимание российского правительства к этому региону. Об этом свидетельствует также принятая недавно программа "Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья". Отношения с Китаем также являются одним из главных приоритетов – в первую очередь в плане торговли энергоносителями. Поскольку потенциал европейских рынков в основном исчерпан, Россия ищет новые рынки сбыта. Несмотря на подтвержденную Россией готовность к инвестициям в транспортные пути в Китай, пока неясно, как будет развиваться дальнейшее сотрудничество, поскольку эта азиатская страна является совершенно особым партнером. На торговлю с Россией в настоящее время приходится всего-навсего 3 процента внешнеторгового оборота Китая. С российской стороны отношение к Китаю тоже не всегда позитивное – вспомнить хотя бы распроданный в Москве миф о "китайской угрозе".

Многие из проблем, затронутых **Дынкиным**, подхватил в своем докладе **Виктор Ларин**. Вначале он раскритиковал термин "Дальний Восток", предложив говорить вместо этого о "Тихоокеанской России". Он обосновал это изменившимся отношением к расстояниям: хотя разница во времени по-прежнему затрудняет коммуникацию и кооперацию, современные транспортные средства значительно сократили пути на восток и обратно. После этой общей констатации **Ларин** дал обзор российской истории в регионе, чтобы сделать на этой основе выводы для формирования нынешней политики. Он напомнил о том, что Россия уже в течение четырех веков проявляет политическую

С. Гуанчэн, А.А. Дынкин, В. Л. Ларин, Х.В. Маулль

активность на восточном направлении. После создания первых поселений в XVII веке освоение этих территорий постоянно сопровождалось дискурсом великодержавия: статус России как великой державы связан с ее географической протяженностью на восток вплоть до тихоокеанского побережья. Тем не менее, периодов большой активности здесь было немного – так, например, во время опиумных войн в середине XIX века, а также в конце того же века, когда шли войны за разделение Китая. В недавнем прошлом также можно выделить два периода активности на востоке: 30-е и 70-е годы XX века. В этих случаях существовала, правда, опасность проиграть в конфликтах с Китаем. Это указывает на своеобразную константу в российской политике в этом регионе: Россия проявляет активность лишь при наличии угрозы своему влиянию, в иных условиях тихоокеанское пространство не является для нее приоритетным. **Виктор Ларин** подверг критике эту позицию, посетовав на то, что такая циклическая активность свидетельствует об отсутствии настоящей политической концепции или долгосрочной стратегии. При этом он, правда, отметил, что устойчивое и комплексное развитие региона является для страны огромным вызовом. Он сослался на мнения экспертов, которые считают, что развитие восточных регионов – это крайне убыточное предприятие, поскольку возможные экономические преимущества никогда не компенсируют затрат. Но, исходя из стратегических интересов, развивать тихоокеанские пространства все равно придется, считает докладчик.

После исторического экскурса **Ларин** перешел ко второй части своего доклада, где обрисовал нынешнюю ситуацию и перспективы региона. Еще Горбачёв объявил о начале новой фазы активности на востоке, но тогда дальше риторики дело не пошло. Поворотным пунктом стал лишь 2006 год, когда вновь возникли опасения – как это уже не раз было в истории – окончательной утраты Востока, если в его развитии не будет достигнуто успехов. Внешняя торговля региона действительно демонстрирует в последние годы определенный прогресс; на востоке идет оживленная торговля – прежде всего с азиатскими странами. Программу "Развитие Дальнего Востока", в которой определены конкретные цели и проекты до 2018 года, несмотря на некоторую критику, тоже можно рассматривать как шаг в верном направлении. Тем не менее, Россия по-прежнему не имеет здесь единой и долгосрочной стратегии.

Оценивая перспективы дальнейшего развития региона, **Виктор Ларин** особо выделил несколько пунктов. На его взгляд, энергетика может задать важнейший вектор развития. Россия уже давно пытается наладить в этой области сотрудничество с Азией и в первую очередь с Китаем. При этом имеются факторы, способствующие прагматичной кооперации: например, более 400 километров общей границы, общая история, схожие социальные и (внешне)политические ценности и интересы – вплоть до антизападных настроений в обоих обществах. И все же перспективы остаются неясными. **Ларин** подверг в этой связи критике подсознательный страх перед Китаем, который, к примеру, выражается в боязни, что оттуда якобы могут хлынуть потоки мигрантов. При ближайшем рассмотрении такие мифы оказываются абсолютно лож-

ными, но все-таки они способны нанести ущерб отношениям с соседней страной. Еще один фактор, влияющий на перспективы развития российского тихоокеанского пространства, – это политика безопасности и стратегические аспекты. Хотя тихоокеанский регион играет решающую роль во взаимоотношениях России с США и Китаем, азиатское пространство ни разу не упомянуто в Стратегии безопасности России до 2020 года, отметил **Ларин**. Это отсылает нас к последнему фактору: идеологическим мотивам. Россия воспринимает себя как великую державу лишь при условии, что она контролирует Сибирь и восток страны, тем не менее самоидентификация России как европейской державы занимает в ее идеологии центральное место. России предстоит заново выработать идентичность, которая соответствовала бы ее статусу "моста между Востоком и Западом", считает **Ларин**.

Син Гуанчэн остановился в своем докладе на российской политике в тихоокеанском регионе и в более широком контексте – по отношению к азиатскому пространству, причем центральную роль здесь для нее играет Китай. Эта страна – непосредственный сосед России, оба государства обладают значительным экономическим потенциалом, хотя экономические связи между ними пока недостаточно развиты. **Гуанчэн** согласился с оценкой **Ларина** в том плане, что России до сих пор не удалось разработать последовательную и обещающую успех стратегию для этого региона, хотя причины этого он видит в других факторах. В отличие от предыдущего докладчика, который подчеркнул, что Дальний Восток никогда не играл приоритетной роли для центральной российской власти в Москве и что его развитие требует огромных инвестиций, **Гуанчэн** указал на неспособность России выбрать для себя главный вектор развития, что он охарактеризовал как серьезнейшую стратегическую ошибку. В этой связи можно представить себе три возможных варианта российской внешней политики и интеграции: европейский, центрально-азиатский и тихоокеанский.

Европейский фактор в историческом плане всегда играл для России главную роль. При этом отношения были обусловлены не только экономическими интересами и интересами в сфере политики безопасности, но и включали в себя значительную культурную и цивилизационную составляющую. Это объясняет нынешнее самосознание России как европейской страны, а также ее желание продолжать интеграцию с Европой. Критически важным обстоятельством **Син Гуанчэн** назвал то, что Россия все еще не отказалась от конкуренции с США за европейский континент, но положительно оценил инициативу Медведева 2008 года о создании пространства безопасности "от Ванкувера до Владивостока". Только таким образом можно противодействовать расколу Европы, который не принесет России никакой пользы. **Гуанчэн** сказал, что с учетом исторического и культурного фона ему понятно стремление России к углублению партнерства с европейскими государствами, но он также видит на этом пути решающую трудность: большинство правительств в Европе готовы к прагматичному сотрудничеству с Россией, но широкую, основанную на принципах равноправия интеграцию, которая соответствовала бы россий-

ским представлениям, большинство из них отвергает. Это является главным препятствием на европейском пути развития России.

В качестве второго варианта обсуждается ориентация страны на центрально-азиатское пространство – например, на территории бывшего Советского Союза. Еще в 90-е годы прошлого века Россия много делала для того, чтобы сохранить тесные связи с бывшими союзными республиками и упрочить там свое влияние. Она продвигала, например, проекты вроде СНГ или ОДКБ (Организация договора о коллективной безопасности), чтобы придать своим устремлениям институциональные рамки. Зависимость от российской экономики и российских субсидий сыграла решающую роль, когда новые государства принимали решение о том, в каком направлении им развиваться – в сторону Европы или в сторону России. Важным шагом в направлении интеграции **Син Гуанчэн** назвал инициативу Путина 2012 года о создании Евразийского Союза, которая ознаменовала отход от прежней европейской ориентации. В то же время он выразил надежду на то, что проект Евразийского Союза будет открытым, а не закрытым. Реального прогресса можно добиться лишь при условии, считает он, что формируемая вновь кооперация будет также предусматривать тесное сотрудничество с ЕС. Тогда перед всеми государствами-участниками откроется огромное экономическое и культурное пространство от Лиссабона до Владивостока.

В заключение своего доклада **Гуанчэн** остановился, наконец, на третьем варианте – на усиленной ориентации России на тихоокеанский регион и Азию, представив свою оценку наиболее вероятного сценария. Он посетовал на то, что азиатская альтернатива занимает лишь третье место, в то время как центрально-азиатский вариант вытеснил европейскую перспективу с первого места. Сегодня страна стоит перед принятием важного стратегического решения о будущей ориентации своего развития – скорее западной или скорее восточной. Ее размеры и ее уникальное географическое положение затрудняют выбор, ведь страна расположена и в Европе, и в Азии, объединяя в себе множество различных культурных влияний с обоих континентов. Историческое наследие скорее указывает в европейскую сторону, ведь еще со времен Петра Великого Запад оказывал большое влияние на Россию. Это отражается и в неравномерном развитии двух частей страны: области к западу от Урала хорошо развиты, а инфраструктура в азиатской части – несмотря на богатые природные ресурсы – оставляет желать лучшего, отметил **Гуанчэн**.

В рамках последовавшей дискуссии **Сергей Караганов** не согласился с оценкой **Гуанчэна**, по мнению которого Россия должна выбрать одно из названных направлений развития. Что касается экономики, то диверсификация и сотрудничество в разных направлениях – это никакое не противоречие, а даже необходимость. Европа – по причине традиционного давнего партнерства – сохранит свою значимость для России; в то же время российские элиты все лучше осознают преимущества ориентации на восток, считает **Караганов**. **Андрей Загорский**, говоря о значении

отношений между Россией и Китаем, указал на то, что объем двухсторонней торговли в последние годы значительно вырос, российские инвестиции стали более частым явлением в Китае. На этом фоне особенно проблематичным представляется то, что китайские инвестиции в России все еще редки, считает **Загорский**.

Син Гуанчэн в заключение отметил, что невнимание российского правительства к восточным территориям России представляется ему большой ошибкой. В ближайшем будущем необходимо эту ошибку исправить, поскольку нынешний дисбаланс ведет не только к политической напряженности между отдельными регионами и тем самым к нестабильности, но и представляет собой опасность для статуса России как великой державы. Поэтому он призвал к разработке сбалансированной стратегии, которая способствовала бы сближению и улучшению сотрудничества между Западом и Востоком. Но не только во внутренней политике, а также и на внешнеполитической арене азиатское направление должно играть более весомую роль. При этом Китай является важнейшим партнером, так что существующим форматам кооперации – таким как саммит АТЭС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) или инициатива БРИКС – необходимо уделять самое приоритетное внимание, считает **Син Гуанчэн**.

В то время как **Ларин** и **Гуанчэн** сосредоточились в своих выступлениях на российском аспекте данной проблематики, **Ханс В. Маулль** уделил основное внимание Китаю, перспективам его развития, а также его влиянию на международное сообщество государств. Сначала он также напомнил о том, что понятие "Дальний Восток" не соответствует реальности, поскольку глобальный центр силы уже покинул Европу: сегодня более подходящую рамку для изучения международной политики дает синоцентричная точка зрения. Центральную роль в развитии международных отношений играет, по его мнению, ориентация Китая. Что будет для него важнее – сотрудничество с континентом или ориентация в сторону океана, например, на США? Представляется, что послед-

Х.-Й. Шпангер и Э. Бёльке

ний вариант более вероятен, так как после мощного роста последних лет и настоящего скачка в развитии страна все больше смещается в центр мировой экономики. Несмотря на темпы роста порядка 10 процентов в год и замечательную стабильность, пока нельзя достоверно прогнозировать, как Китай будет развиваться в дальнейшем. Здесь возможны разные сценарии: и продолжение истории успеха в смысле движения по накатанному пути, и период перемен и нестабильности. К то-

му же **Маулль** охарактеризовал развитие, которое до сих пор демонстрировали страны Азии, как не лишенное проблем, ведь, несмотря на неоспоримые успехи, имели место и определенные деформации, которые чреваты

серьезными социальными проблемами. В качестве примера он снова привел Китай, указав на то, что там отсутствуют важные факторы стабильности, такие как экологическая устойчивость, общественный климат справедливости или механизмы для преодоления обостряющихся в настоящее время социальных конфликтов. Традиционные ценности – как, например, идеи конфуцианства – также пострадали в результате экономических реформ и их последствий. Политическому руководству становится все труднее справляться с проблемами, для социального и политический порядок в стране характерна нестабильность. До сих пор, считает **Ханс В. Маулль**, правительству удавалось удержать ситуацию – хотя отчасти благодаря таким инструментам как цензура, что позволяет сделать вывод о начале распада политической власти. Перспектива здесь неясная, считает **Маулль**.

Эвальд Бёльке также остановился на аспектах политического развития Китая, указав на то, что будущее авторитарной системы будет оказывать сильное влияние не только на экономику страны, но и на перспективы всего региона. Он поставил вопрос о том, может ли сотрудничество между Китаем и Советом Россия-НАТО послужить подходящей основой для того, чтобы отвечать на общие вызовы. **Клаус Виттманн** призвал к тому, чтобы на фоне экономических успехов не упускать из виду социально-политическое измерение. В качестве примера такого социально-политического вызова он привел недостаточное осмысление уроков эры Мао. Еще одну центральную социально-политическую проблему затронули **Детлеф Пуль** и **Рудольф Трауб-Мерц**, напомнив о демографических изменениях в Китае. Хотя большое население, конечно, является конкурентным преимуществом для китайской экономики, нельзя не обращать внимания на ускоряющееся старение и сокращение общества как следствие политики "один ребенок в семье". Уже довольно скоро может возникнуть дефицит миллионов рабочих рук. Кроме того, **Трауб-Мерц** указал на усиливающиеся с 2010 года социальные протесты и забастовки, которые оказывают растущее давление на правительство. Требования протестующих направлены прежде всего против социального неравенства. Если эти призывы действительно серьезно повлияют на китайскую политику, что достаточно вероятно, то такое конкурентное преимущество Китая как низкая оплата труда исчезнет. Влияние такого развития событий на экономический рост предсказать трудно, но во всяком случае это станет вызовом для нынешней экономической системы, основанной на экспорте и низких зарплатах.

Тем не менее, считает **Маулль**, Китай – по крайней мере, на настоящий момент – остается самой значительной страной Азии. Это является, с одной стороны, результатом "образовательной революции", которая еще больше увеличила потенциал большой численности населения. С другой стороны, китайское руководство прово-

дит умную внешнюю политику, умело вовлекая как ближние страны, так и Запад в выгодное партнерство. В экономической политике стратегия Китая также в значительной мере оправдала себя, если рассматривать интеграцию в мировую экономику, повышенное внимание к технологическим новациям, а также догоняющую индустриализацию страны с ориентацией на неомеркантилизм. При этом Китаю удалось приспособить к своим целям западную экономическую и общественную модель. В этом Китай явно отличается, к примеру, от России, которой по окончании "холодной войны" не удалось найти для себя новое место в мировом порядке.

Завершая свое выступление, **Маулль** поставил вопрос о вызовах, с которыми в будущем может столкнуться Китай. С одной стороны, он видит конфликтный потенциал в Азии, поскольку некоторые страны также ориентируются на Запад и лишь в ограниченной мере заинтересованы в сотрудничестве с Китаем; в то же время нерешенной остается проблема Северной Кореи. Если в ближайшее время северокорейский режим рухнет, что довольно вероятно, придется заново формировать систему безопасности региона, и результат этого процесса трудно прогнозировать. На глобальном уровне вероятны, по мнению **Маулля**, два основных сценария: либо биполярный порядок, где США и Китай будут конкурирующими друг с другом центрами силы, либо новая, эффективная международная организация по типу G-2, где обе страны образуют кооперативное ядро. Этот сценарий следует оценить позитивно, поскольку он ограничивает возможное соперничество, переводя его в русло конструктивного сотрудничества. В любом случае, другие государства, в том числе Россия и Европа, должны будут встраиваться в этот новый мировой порядок. На это **Владимир Барановский** прореагировал замечанием, что теория "концерта держав" – вместе с политикой сдерживания по отношению к США и Китаю как новым центрам силы – представляет собой многообещающую аналитическую рамку для лучшего понимания нынешних тенденций в мировой политике.

В ходе дискуссии **Детлеф Пуль** высказал сомнение в том, что такой синоцентричный взгляд действительно может служить основой для политики всех государств. Он тоже отметил большое значение Китая в международной системе, высказавшись в пользу углубления сотрудничества между Европой и Азией, но в то же время указал на то, что, например, для европейских государств собственный континент, а также США по-прежнему являются главным объектом интереса. В этом с ним согласился **Гюнтер Йотце**, который подчеркнул, что Европа и Соединенные Штаты по-прежнему являются друг для друга центральными партнерами. Несмотря на прагматичное сотрудничество с другими государствами, по историческим и культурным причинам климат прочного доверия возможен только между этими двумя континентами. **Александр Бузгалин** значительно позитивнее оценил перспективы европейско-азиатского партнерства. Он считает, что, к примеру, строительство железнодорожной магистрали Пекин-Берлин могло бы стать настоящим прорывом для взаимоотношений между Европой и Азией, сколь иллюзорным такой проект сейчас ни казался. Достаточно вспомнить о первых планах строительства

Транссибирской магистрали, чтобы понять, что каждый подобный проект открывает новое, прежде немислимое измерение, но при правильном планировании и наличии воли к его осуществлению вполне может быть реализован.

Многие выступления касались принятой в 2012 году российской программы об "Экономическом и социальном развитии Дальнего Востока и Забайкалья". Поэтому в дополнение к трем предыдущим докладам **Владимир Назаров**, который, будучи заместителем секретаря Совета безопасности Российской Федерации, активно участвовал в формировании политики безопасности в Тихоокеанском регионе, проинформировал участников о некоторых моментах этого документа, оптимистически оценив его эффект. Сначала **Назаров** отметил, что значимость дальневосточных регионов для России бесспорна – как с политической, так и с исторической точки зрения. Тихий океан и Азия издавна являются неотъемлемой составной частью российского самосознания, что находит свое выражение в стратегическом партнерстве с Китаем, Индией или Вьетнамом и в особом сотрудничестве с Японией и Кореей. С 2006 года правительство снова уделяет больше внимания этому региону, понимая, что кроме простого изъявления доброй воли необходимы конкретные проекты, чтобы обеспечить долгосрочное и устойчивое развитие Дальнего Востока. Уже сейчас имеются многочисленные инициативы – например, по сооружению новых и санации старых дорог и зданий или по улучшению авиасообщения. Эти меры направлены на то, чтобы сохранить мир и благополучие в этих регионах и не допустить увеличения диспропорций в их развитии.

В этом русле находится и упомянутая программа, принятая в 2012 году. Она рассчитана до 2025 года и предусматривает вложения в объеме 11 триллионов рублей, то есть примерно 250 миллиардов евро. Эти средства должны быть направлены на инфраструктурное строительство, а также на организацию добычи и переработки ресурсов и развитие приграничного сотрудничества с Китаем. Составной частью программы является также выработка политических инструментов – таких как создание зон свободной торговли или введение налоговых льгот. **Назаров** указал на необходимость диверсификации транспортных путей – если речь, например, идет о больших объемах добычи и экспорта природных ресурсов. Планируемых показателей товарооборота можно достичь, если, в частности, будет увеличена пропускная способность Транссибирской магистрали, на востоке будут созданы новые транспортные узлы, а также построены новые участки железных дорог. Это необходимо для освоения азиатских рынков и является предпосылкой для активизации торговых связей со странами азиатско-тихоокеанского региона и прежде всего с Китаем. В заключение **Владимир Назаров** напомнил также об арктической проблематике, высказав мнение, что Россия как прибрежная держава имеет право неограниченно использовать новые транспортные пути в северных морях. Ведь речь идет об акваториях, находящихся внутри российских национальных границ. Резюмируя, он отметил, что и западное, и восточное направление остаются важными для страны и что обсуждаемая

программа служит тому, чтобы обеспечить и сохранять равновесие между регионами.

Представленный документ вызвал оживленную дискуссию и совершенно разные оценки участников. Отрицательно отозвался о программе, например, **Караганов**: по его мнению, эти планы не только плохо проработаны, но и иллюзорны. В то же время **Владимир Рыжков** увидел в программе и сильные, и слабые стороны. Он считает, что ее направленность на инфраструктуры, добычу ресурсов и международное приграничное сотрудничество в принципе следует оценить положительно, но в программе не хватает пунктов о поддержке образования и человеческого капитала. Отмечаемое сейчас сокращение населения свидетельствует о том, насколько важны эти моменты. Одних лишь строительных проектов недостаточно, чтобы гарантировать развитие и благосостояние, ведь подъем экономики опирается прежде всего на людей. Проблематичным кажется **Рыжкову** также чрезмерный акцент на государственное планирование и финансирование при недостаточном привлечении частного сектора. **Виктор Ларин** позитивно оценил программу в том плане, что она содержит много важных пунктов. Инфраструктура и занятость – это правильные параметры для обеспечения устойчивого прогресса. Вызывает, однако, сомнения то, сможет ли российское государство, которое намерено взять на себя львиную долю инвестиций, действительно покрыть эти гигантские расходы. На этом фоне следует призвать также европейских партнеров России подключиться к проектам в Тихоокеанском регионе. Поэтому сотрудничество с Россией во все большей мере будет означать сотрудничество с российским Дальним Востоком.